

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2018»

Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.

ИНТОНАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УСТНОГО РАССКАЗА В КОНТЕКСТЕ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ¹

Коротаев Н. А. (n_korotaev@hotmail.com)

РГГУ, РАНХиГС, Москва, Россия

Ключевые слова: устная речь, русский язык, нарратив, дискурсивная просодия, коммуникативная структура, тема, рема, текстовая незавершенность

HOW INTONATION STRUCTURES SPOKEN NARRATIVES: NON-FINAL PHASE CONTEXTS

Korotaev N. A. (n_korotaev@hotmail.com)

RSUH, RANEPa, Moscow, Russia

Topic—focus articulation in Russian has been mainly studied against isolated utterances. In a categorical sentence, this communicative opposition is reflected in the linear-accentual structure [Paducheva 2015]. For a simple declarative sentence, that would normally mean that the topic (*theme*) comes first and has a rising phrasal accent, while the focus (*rheme*) completes the utterance and is pronounced with a falling accent. At the same time, these formal features do more than just differentiate between topics and foci; they also mark the discourse-semantic category of *phase* [Kodzasov 2009]. In syntactically simple utterances, topics tend to correlate with anticipated continuation, hence *non-final* phase; foci are usually

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 17-18-01184 («Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках»).

phase-final. As I intend to show in this paper, the non-final phase provides a variety of contexts that challenge the topic—focus distinction. The study is based on the “Stories about presents and skiing”—a collection of prosodically annotated spoken narratives.

In Section 1, I concentrate on issues within a simple clause, where non-final verbal elements often have a fuzzy communicative interpretation. In Section 2, I analyze complex syntactic structures. The data show that non-final clauses may demonstrate both thematic and rhematic properties with regard to their intonation patterns, internal structure and discourse function. Hence, one can claim that some non-final clauses are topics, while others are foci. However, a majority of non-final clauses in the analyzed corpus may not be unambiguously attributed to either of these categories. Section 3 provides a pilot study of complex intonation patterns. Only phase distinction being considered, utterances with more than one accentual phrase may follow either (i) the basic adaptation strategy (comprising a non-final rising accent and a final falling accent), or, more often, (ii) a complicated strategy: (a) multiple parallel adaptation, (b) consecutive adaptation, or (c) parenthetical strategy.

Keywords: spoken discourse, Russian language, narrative, discourse prosody, communicative structure, topic, focus, phase

Локальная структура устного текста в значительной степени определяется его интонационными характеристиками. При помощи акцентного выделения и ассоциированных с ним тональных движений говорящие выражают широкий спектр дискурсивных значений. Цель настоящего исследования — приблизиться к пониманию того, насколько основные принципы описания русской фразовой просодии, блестяще зафиксированные в таких работах, как [Янко 2008], [Кодзасов 2009] и [Падучева 2015], применимы при сплошной интонационной разметке неподготовленного устного монологического дискурса. Непосредственно в статье решаются две задачи. Во-первых, показывается, что в устных рассказах встречается значительное число контекстов, в которых традиционное противопоставление темы и ремы в известной степени ретушируется. Этому посвящены разделы 1 и 2. Во-вторых, демонстрируются некоторые возможности такого подхода к анализу интонационной структуры звучащего текста, при котором базовым противопоставлением выступает не коммуникативная дихотомия темы и ремы, а фазовое различие между завершенностью и незавершенностью (раздел 3).

Материалом исследования послужил корпус «Истории о подарках и катании на лыжах» — просодически аннотированная коллекция устных текстов, порожденных информантами после просмотра серий предъявленных им картинок [Spokencorpora 2013]. Количественные данные приводятся для дополнительно размеченного подкорпуса, составляющего примерно половину объема всего корпуса: в этот подкорпус входит 20 рассказов от 5 информантов, общей продолжительностью звучания 15,5 минуты.

1. Тема vs. рема: моноклаузальные высказывания

Противопоставление темы как предмета, или исходной точки, сообщения и ремы как локуса основного коммуникативного значения высказывания в наиболее выпуклой форме реализуется в синтаксически простых предложениях. Для выражения этих значений используется линейно-акцентная структура высказывания [Падучева 2015]. Рема сообщения, будучи обязательным компонентом этого типа иллокуции, чаще всего произносится с нисходящим акцентом; тема же — если она есть и выделена интонационно² — обычно снабжена тем или иным восходящим акцентом.

Рассмотрим начальный фрагмент одного из рассказов корпуса.

(1) *Pic-RUS_01-f_Ski-R*³

1. /Жил-был³ один молодой \человек¹.
2. () Этот молодой /человек³ () любил заниматься \спортом¹.
3. () В то же /время³ он любил \выпить¹.

В примере (1) представлено три отдельных сообщения, реализованных в формате простой клаузы. В каждом из них есть ярко выраженный рематический элемент, кодируемый нисходящим акцентом типа ИК-1: *один молодой человек, любил заниматься спортом и он любил выпить*. Во всех трех случаях рематическому нисходящему акценту предшествует зеркально противопоставленный ему восходящий акцент типа ИК-3. Тонограмма, соответствующая строкам 2 и 3, показана на рисунке 1. Коммуникативная интерпретация восходящего акцента в этих строках вполне прозрачна: в строке 2 он оформляет именную тему *этот молодой человек*, в строке 3 — адвербиальную тематическую составляющую *в то же время*. Коммуникативный статус начального глагольного элемента *жил-был* уже менее очевиден: глагол стоит в абсолютном начале текста, а потому для его тематической трактовки требуются специальные оговорки.

² В рамках этого исследования не рассматриваются безударные темы: высказывания, в которых на семантических основаниях можно выделить тему, но это не поддерживается акцентным выделением, трактуются как нерасчлененные. Кроме того, изложение ограничено анализом повествовательных высказываний, содержащих в себе по крайней мере один полноценный ассертивный компонент.

³ В заголовках примеров из «Историй о подарках и катании на лыжах» используется префикс *Pic-Rus* с дальнейшим указанием индекса текста. Запись отрывков выполнена в рамках системы транскрипции устного русского дискурса, первоначально разработанной для корпуса «Рассказы о сновидениях» [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009], с некоторыми модификациями. Каждая строка соответствует *элементарной дискурсивной единице* (ЭДЕ); в скобках записываются абсолютные и заполненные паузы; слешами обозначаются движения тона в ударных слогах акцентированных словоформ, стрелками — значимые движения тона вне ударных слогов; пунктуационные знаки в конце строк передают фазово-иллокутивные значения ЭДЕ; цифровые индексы при акцентированных словоформах являются результатом пилотной разметки в терминах интонационных конструкций (ИК) (см. [Брызгунова 1982], [Янко 2001, 2008]).

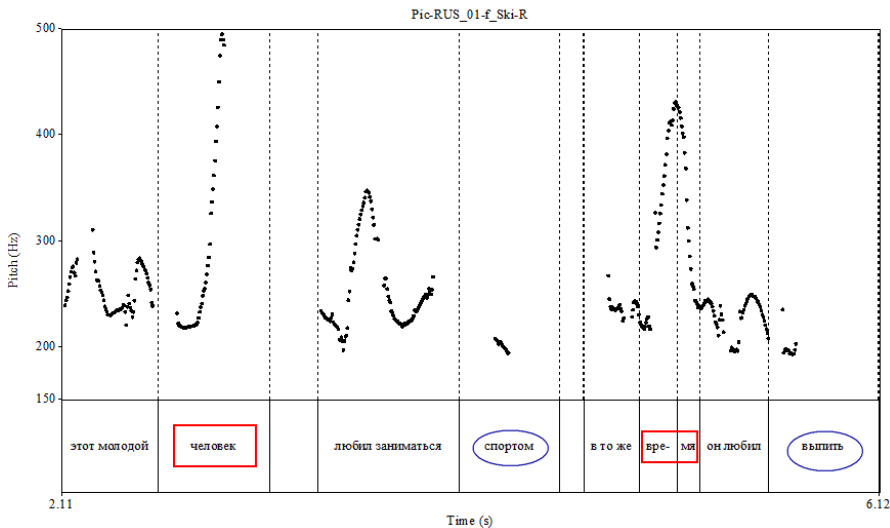

Рис. 1. Тонограмма строк 2–3 примера (1). Овалами выделены слова — акцентносители финального рематического акцента; прямоугольниками — акцентносители восходящего акцента типа ИК-3.

Более убедителен тематический статус начального глагольного элемента *stóit она* в строке 33 примера (2): информация о том, что герой истории интересуется ценой автомобиля, содержится в предтексте (строки 26–27)⁴.

(2) *Pic-RUS_03-m_Pr-R*

- 25. () /ну приглянулась ему-у () одна \инoмaрочкa¹.
- 26. () /Oн³ /решил-л⁶ () \узнaть¹,
- 27. /сколькo⁵⁽⁶⁾ она \стoит⁵⁽¹⁾.
- 28. () /Подошёл-л⁶ к п= || п= || \прoдaвцу-у¹.
- 29. () /Тот³ ему \рaсписaл¹,
- 30. кaкaя она супер-пупер /\нaвoрoчeннaя⁶,
- 31. () (\вo-oт¹),
- 32. () /и /-скaзaл-л⁶,
- 33. () что-o /стoит⁶ она-а () \дoрoгo².

Однако столь «надежные» свидетельства тематического статуса начального глагольного элемента простой клаузы крайне редки. В подавляющем большинстве случаев (см. таблицу 1 в конце раздела 2) таких свидетельств нет. В частности, это верно для произносимых с акцентным выделением и интонационно противопоставленных рематическому акценту словоформ *решил*

⁴ Коммуникативное членение строки 33 также еще раз демонстрирует известный факт о том, что коммуникативные составляющие необязательно соответствуют составляющим синтаксическим [Янко 2001: 37–38]: последовательность *stóit она* не формирует единой синтаксической группы.

(строка 26) и *подошёл* (строка 28) в примере (2)⁵. В целом, именно интерпретация начальных глагольных единиц оказывается одной из главных проблем при сплошной коммуникативной разметке синтаксически простых высказываний.

2. Тема vs рема: поликлаузальные цепочки

В дискурсе не так много изолированных высказываний. При построении «устных предложений» (см. [Chafe 1994: 137–145], [Кибрик 2008]) говорящие часто используют сложные структуры, состоящие более чем из одного дискурсивного шага, в том числе — более чем из одной клаузы. Так, в дополнительно размеченном подкорпусе «Историй о подарках и катании на лыжах» на 49 моноклаузальных сообщений приходится 90 поликлаузальных. В этом случае только в последней по порядку клаузе четко выявляется «классическая» рема с нисходящим движением тона, предшествующие дискурсивные единицы характеризуются *фазовой незавершенностью* [Кодзасов 2009]. Примером сложной поликлаузальной цепочки можно считать последовательность строк 29–33 в примере (2), к анализу которой мы вернемся ниже.

Разберем еще несколько примеров.

(3) *Pic-RUS_05-m_Ski-T*

15. () Из-за того что он () выпил больше чем () /\одну,
16. и-и больше чем две /рюмки³,
17. () когда он /спускался³,
18. у /-него⁶ () /-одна⁶ лыжа /отстегнулась³,
19. () а /вторая⁶ \нет¹.
20. () Перекрутило ему /ногу³,
21. и сломало её в трёх \-местах².

В примере (3) содержится сразу несколько нефинальных клауз: строки 15–16, 17, 18 и 20. В предтексте рассказывается, что герой «хорошенько выпил» и принял опрометчивое решение отправиться на горнолыжную трассу. В связи с этим практически безусловен тематический статус строк 15–16 и 17; этот статус поддерживается и синтаксически: нефинальные отрезки оформлены как препозитивные обстоятельственные придаточные, для которых тематическая функция наиболее характерна⁶.

Однако, как и в случае с начальными глагольными элементами в простой клаузе, столь очевидная тематичность нефинальной клаузы — скорее исключение, чем правило. В следующем фрагменте, в котором другая рассказчица

⁵ Все три рассмотренные глагольные единицы примера (2) произносятся с акцентом типа ИК-6. О взаимозаменяемости ИК-3 и ИК-6 в некоторых контекстах см. [Янко 2008: 67–69].

⁶ Еще одним формальным признаком тематичности можно считать некоторые случаи риторических повторов, в которых ранее упомянутая клауза полностью или частично повторяется в качестве фона для описания дальнейших событий [Коротаев 2004].

описывает события, непосредственно предшествующие событиям из примера (3), имеется цепочка из трех нефинальных и одной финальной клаузы:

(4) *Pic-RUS_02-f_Ski-R*

4. () (ə) (ʹ) () (ш) Во время этого он встретил своих /друзее-ей³,
5. которые решили-и (ə) отметить /встречу-у³,
6. (ʹ) во время \отмечания он () (ш) /перебра-ал³,
7. и-и (ə) в пьяном /состоянии³ решил \снова¹ покататься на лыжах.

В [Янко 2008: 141–148] для серий неконечных клауз, произносимых с акцентами типа ИК-3, используется термин *множественные темы*: события, описываемые в этих клаузах, трактуются как «сюжетный фон для какого-то более важного события» (с. 142). Нам, однако, представляется, что строки 4–6 примера (4), а также строки 18 и 20 примера (3) и строки 29–30 примера (2), можно интерпретировать и по-другому: а именно, как ремы с наложенным значением незавершенности. Приведем несколько аргументов в пользу такой трактовки.

А. С семантической точки зрения доказать меньшую значимость событий, описываемых в нефинальных клаузах, не всегда легко. Так, в примере (4) встреча героя с друзьями, превращение встречи в застолье, чрезмерное увлечение героем крепкими напитками и его решение вернуться на лыжную трассу — события, примерно равнозначные для развития истории. Еще очевиднее семантическое равноправие нефинальной и финальной клауз в паре строк 18–19 из примера (3), где, по сути, сложным образом описывается единая ситуация драматической рассинхронизации лыж при спуске.

Б. Нефинальные клаузы могут обладать самостоятельной внутренней расчлененностью, причем в некоторых случаях эта расчлененность дублирует коммуникативную структуру финальной клаузы. В строках 18–19 примера (3) реализовано двойное контрастивное противопоставление: *одна лыжа* (внутренняя тема строки 18) и случившееся с ней противопоставляется *второй* (внутренняя тема строки 19) и (не) случившемуся с этой лыжей. В строке 6 примера (4) роль внутренней темы играет адвербиальная группа *во время отмечания*, ссылающаяся на упомянутый в предыдущей строке характер встречи; точно так же в финальной строке 7 внутренняя тема *в пьяном состоянии* непосредственно отсылает к глаголу *перебрал* из строки 6. По сути, тут представлен стандартный механизм поддержания дискурсивной связности: рема предыдущего высказывания переходит в тему следующего⁷. Заметим также, что внутренние темы могут интонационно адаптироваться как к конечному движению тона в рамках нефинальной клаузы (*во время отмечания* в примере (4)), так и к заключительному рематическому акценту в финальной ЭДЕ (*одна лыжа* в примере (3)). Подробнее о разных способах адаптации см. раздел 3.

⁷ Отметим, что при подсчетах, приведенных в таблице 1, в качестве отдельных единиц учитывались и внутренние тематические элементы в составе нефинальных клауз, и нефинальные клаузы целиком. Например, для строки 6 примера (4) отдельно учитывались единицы *во время отмечания* и *во время отмечания он перебрал*.

В. В нефинальной клаузе может выражаться самостоятельное иллокутивное значение — см. строку 28 следующего примера, в которой незавершенность накладывается на иллокуцию директива:

(5) *Pic-RUS_05-m_Pr-T*

27. () *продавец \говори́т*¹:
 28. «/–*Покупáйте*⁶;
 29. вот это самый лучший /автомобиль³,
 30. из всех что \есть¹.»

При отсутствии незавершенности директив скорее произносился бы с нисходящим акцентом. Примеры типа (5) *per se* в настоящем исследовании не рассматриваются, однако в них наглядно иллюстрируется принципиальная возможность совмещения иллокутивного значения со значением незавершенности.

Г. При так называемой аналитической стратегии выражения незавершенности коммуникативное (рема) и фазовое (незавершенность) значения кодируются отдельными акцентами [Янко 2008: 128–141]. Так, в строке 11 примера (6) нисходящий акцент типа ИК-1 на *ещё раз* маркирует ремю, а восходящий акцент типа ИК-3 на *лыжах* отвечает за незавершенность:

(6) *Pic-RUS_04-m_Ski-T*

10. () У него за-а= () =кружилась /голова³,
 11. и он решил ещё \раз¹ прокатиться на /лыжах³,
 12. то= || но только с /–большо-ой⁵⁽⁶⁾ –\горки⁵⁽²⁾.

При совместном выражении коммуникативного и фазового значений единственный акцент в данном контексте приходился бы на *ещё раз*, а глагольная группа *прокатиться на лыжах* произносилась бы безударно:

(6') и он решил ещё /раз прокатиться на лыжах,

При этом вопрос о том, утрачивает ли при таком произнесении группа *ещё раз* релативные свойства, имеющиеся у нее в строке 11 примера (6), остается открытым.

Итак, «огульная» тематическая трактовка нефинальных клауз, произносимых с восходящей интонацией типа ИК-3 / ИК-6, может быть оспорена при помощи ряда семантических, дискурсивных и формальных аргументов. Впрочем, верно и обратное: в большинстве случаев (см. таблицу 1 в конце текущего раздела) отсутствуют и веские основания признавать такие клаузы ремами. Более того, формальные тематические и релативные признаки могут накладываться друг на друга. Например, в строке 25 следующего фрагмента, с одной стороны, нефинальная клауза синтаксически оформлена как препозитивное

временное придаточное, с другой стороны, использована аналитическая стратегия выражения незавершенности:

(7) *Pears22C8*

25. \первый¹ раз когда он /слезает⁶,
 (ц)
 26. он \докладывает¹ туда до /верха³,
 27. и у него остаётся /третья³ /—пустая⁶ /\корзина².

Помимо ИК-3 / ИК-6 существуют и другие способы интонационного кодирования незавершенности. При одном из них говорящие, перечисляя события рассказа, произносят нефинальные клаузы с нисходяще-восходящим акцентом типа ИК-4 — см. строки 16 и 17 примера (8):

(8) *Pic-RUS_06-f_Pr-T*

14. () (ə) Он \спросил-л¹,
 15. у другого /\мужчины-ы¹,
 16. () (ш) сколько она \стоит⁴,
 17. () {смех} () /тот³ сказал ему что-о {смех} очень \/\мног⁴,
 18. () {смех} () \и-и (°) () /тогда³ () этот /дядечка³ решил не \покупать¹ \ машину.

Использование ИК-4 характерно при педантичном «рассказе по порядку» [Янко 2008: 167–170]. В отличие от дефолтного способа выражения незавершенности при помощи ИК-3, такое интонационное оформление не типично для тематических элементов, а потому — с некоторой долей условности — может считаться просодическим признаком ремы. И все же «не типично» не означает «невозможно»: в корпусе изредка встречаются внутриклаузальные именные темы, произносимые с ИК-4, — см. *один дядечка* в строке 1 следующего примера:

(9) *Pic-RUS_09-f_Pr-T*

1. () В один прекрасный солнечный /день³ () (ə) () один —\дядечка⁴ () (ə) /вспомнил³,
 2. что-о у /—жены⁶ →его () день \рождения¹.

Мы рассмотрели ряд контекстов, в которых определение тема-рематического статуса интонационно выделенного отрезка речи существенно затруднено. Отсюда не следует, что это традиционное коммуникативное противопоставление вовсе не применимо к анализу устного неподготовленного дискурса. Однако при сплошной разметке устных нарративов в терминах тем и рем слишком часто приходится опираться на нетривиальные теоретические решения — а значит, результаты такой разметки могут оказаться недостаточно надежными и плохо воспроизводимыми.

⁸ Пример (7) взят из другого устного корпуса — «Рассказов и разговорах о грушах», литеры С в заголовке примера обозначает роль говорящего в записи; подробнее см. www.multidiscourse.ru.

В таблице 1 представлены количественные данные о рассмотренных явлениях в размеченном подкорпусе — совместно для моно- и поликлаузалных структур.

Таблица 1. Типы нефинальных единиц в дополнительно размеченном подкорпусе

Тип единицы	Кол-во	%
Тематические ИГ	100	21,1
Адвербиальные темы	51	10,8
Нефинальные глагольные элементы	121	25,6
- в т. ч. с «надежными» тематическими свойствами	17	
Нефинальные клаузы	176	37,2
- в т. ч. с формальными признаками темы	20	
- в т. ч. с формальными признаками ремы:	46 ⁹	
(а) внутренняя расчлененность	25	
(б) интонационное оформление (ИК-4 и др.)	25	
(в) аналитическое выражение незавершенности	3	
Прочее	25	5,3
Итого	473	100

3. Case-study: стратегии адаптации при незавершенности

В ряде примеров, рассмотренных в предыдущих двух разделах, затруднена коммуникативная интерпретация некоторых отрезков в терминах тем и рем. Однако *фазовые* значения этих отрезков кажутся более очевидными: характер тоновой кривой вполне однозначно указывает на завершенность или незавершенность¹⁰.

В связи с этим разумно поставить следующий исследовательский вопрос: можно ли выделить повторяющиеся паттерны интонационно расчлененных устных структур, игнорируя коммуникативные категории и опираясь только на противопоставление завершенности и незавершенности? Ниже приведены предварительные результаты, полученные в рамках такого подхода.

В дополнительно размеченном подкорпусе были проанализированы все цепочки, состоящие из ненулевого количества отрезков с интонационно выраженной незавершенностью (далее — *нефинальные отрезки*) и одного отрезка с интонационно выраженной завершенностью, «разрешающей» предшествующую незавершенность (далее — *финальный отрезок*). Не рассматривались последовательности, не имеющие явно выраженной конечной завершенности,

⁹ Одна клауза может обладать сразу несколькими формальными признаками ремы, поэтому сумма чисел для пунктов (а)–(в) превышает общее количество в этой строке.

¹⁰ В действительности, это некоторое упрощение. В частности, в речи рассказчиков регулярно встречаются так называемые «нефинальные падения», сигнализирующие о неполной завершенности цепочки [Кибрик 2008]. В настоящем исследовании эта деталь игнорируется и большинство нефинальных падений считаются признаками завершенности.

а также цепочки, не завершающие иллокуции сообщения¹¹. Задачей пилотного исследования было выявить основные стратегии интонационной адаптации нефинальных отрезков к финальному, а также обозначить частные закономерности, касающиеся распределения этих стратегий в материале подкорпуса. Метод анализа частично наследует принципам классификации интонационных стратегий оформления сложноподчиненных и цитационных конструкций, изложенным в [Коротаев, Подлесская 2008] и [Подлесская 2017].

Образцы исследованных цепочек в большом количестве представлены в уже рассмотренных выше примерах. В частности, в примере (9) имеется последовательность из четырех нефинальных отрезков: *в один прекрасный солнечный день, один дядечка, вспомнил и что у жены его*; а строках 20–21 примера (3) — один нефинальный отрезок *перекрутило ему ногу*. Во втором случае реализуется **базовый принцип адаптации**, многократно описанный в литературе и уже упомянутый выше: нефинальный отрезок произносится с восходящим акцентом, адаптирующимся к нисходящему акценту в финальном отрезке (*и сломало её в трёх местах*). Аналогичным образом, но уже в пределах моноклаузуальной конструкции, в каждой из трех строк примера (1) единственный нефинальный отрезок (жил-был; этот молодой человек; в то же время) базово адаптируется к финальному (один молодой человек; любил заниматься спортом; он любил выпить).

В свою очередь, в примере (9) реализовано одно из возможных усложненных базового принципа — **множественная параллельная адаптация**: каждый из нефинальных отрезков произносится с тем или иным видом восходящего акцента (ИК-3, ИК-4, ИК-6) — вне зависимости от своего синтаксического статуса. В итоге, с точки зрения интонационного оформления, все нефинальные отрезки равноправно адаптируются к финальному. То же верно и для строк 15–19 примера (3), в которых содержится семь нефинальных отрезков. Как уже обсуждалось в разделе 2, большинство этих отрезков проявляют тематические свойства, но глагол *отстегнулась* скорее завершает рематическую составляющую. Для анализа в терминах фазовых значений, однако, это различие не принципиально.

Противоположная стратегия оформления сложных цепочек — это **последовательная адаптация**. В этом случае только в одном нефинальном отрезке движение тона непосредственно адаптируется к движению тона в финальном отрезке, тогда как предшествующий отрезок адаптируется к ближайшему правому контексту. Фактически это означает, что этот отрезок произносится с тем или иным видом адаптивного нефинального падения — см. *купил* в строке 20 примера (10). Последовательная адаптация может реализовываться на протяжении всей цепочки, но чаще эта стратегия комбинируется с множественной параллельной адаптацией:

¹¹ Таким образом, финальный отрезок в данном случае всегда является либо ремой повествовательного высказывания, либо ее частью.

(10) *Pic-RUS_06-f_Pr-T*

19. () (ə) () /Пошѐл³,
 20. \купил¹ () \↑маленькую⁴ машинку,
 21. () /подарил³ её \жене¹.

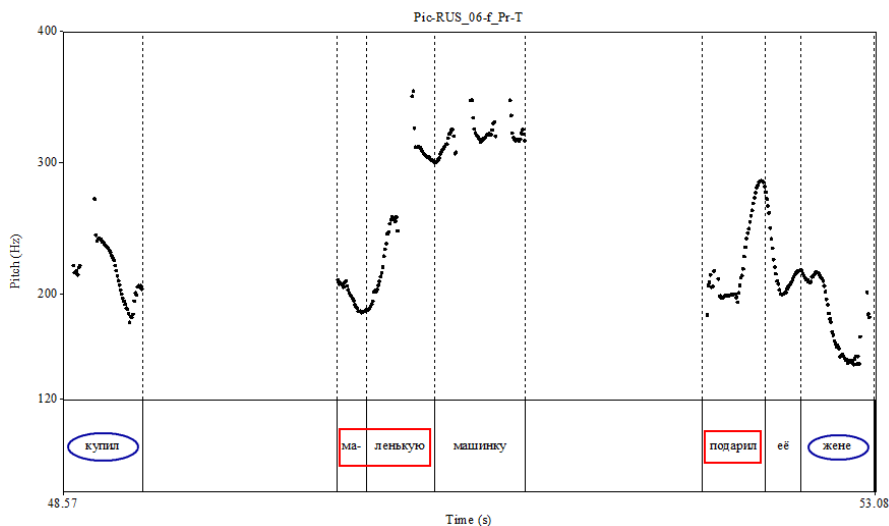

Рис. 2. Тоннограмма строк 20–21 примера (10). Овалами выделены слова — акцентносители нисходящего акцента; прямоугольниками — акцентносители восходящего акцента

В примере (10) нефинальные отрезки *пошѐл*, *маленькую машинку* и *подарил* интонационно адаптируются к финальному отрезку *её жене* согласно стратегии множественной параллельной адаптации. При этом глагольная форма *купил* снабжена нефинальным нисходящим акцентом, адаптирующимся к восходящему акценту типа ИК-4 в ИГ *маленькую машинку*: таким образом, на этом участке использована стратегия последовательной адаптации. Тоннограмма, соответствующая строкам 20–21 примера (10) приведена на рисунке 2. Похожим образом устроен и пример (4). В целом он следует стратегии множественной параллельной адаптации, но в строке 6 представлен случай последовательной адаптации: нисходящий акцент на словосочетании *во время отлучения* адаптирован к ближайшему восходящему акценту на *он перебрал*, который, в свою очередь, противопоставлен финальному падению в строке 7.

Наконец, еще одно важное усложнение базового принципа адаптации — это **вставка**. При вставке вслед за одним из нефинальных отрезков говорящий произносит отдельное высказывание — обычно с нисходящим акцентом. Особенность этого вставленного высказывания заключается в том, что оно не может считаться заключительным к имеющейся незавершенности; финальный отрезок данной последовательности будет произнесен позже, после выхода

из вставки. Как и в случае с последовательной адаптацией, вставка чаще реализуется совместно с множественной параллельной адаптацией. В примере (11) оба нефинальных отрезка в строке 18 и единственный нефинальный отрезок в строке 21 произносятся с восходящими акцентами, параллельно адаптированными к финальному нисходящему акценту типа ИК-2 на *несчастный*; а в строках 19–20 реализуется вставка:

(11) *Pic-RUS_01-f_Ski-T*

- 18. () На /его³ наложили /\гипс⁴,
- 19. () (туда и ↓—сюда¹,
- 20. () на ногу и \на¹ руку то есть,)
- 21. () /теперь³ он ходит ↑\несч-частный².

Во вставленных строках, каждая из которых произносится с нисходящим акцентом, говорящая временно приостанавливает развитие основной линии изложения, уточняет информацию, содержащуюся в строке 18, но не «ставит точку» в поликлаузальной цепочке. Продолжение — и завершение — цепочки происходит уже после вставки, в строке 21.

Из 146 проанализированных цепочек базовому принципу адаптации следуют 39, в остальных 107 цепочках имеется хотя бы одно из описанных выше усложнений базового принципа. В строках 29–30 примера (2), повторяемых ниже под номером (12), реализованы все три усложняющие фигуры: последовательная адаптация на участке *ему расписал* *какая она супер-пупер навороченная*, вставка в строке 31 и множественная параллельная адаптация в остальных нефинальных отрезках.

(12) *Pic-RUS_03-m_Pr-R*

- 29. () /Тот³ ему \расписал¹,
- 30. *какая она супер-пупер* /↓наворо⁶ченная⁶,
- 31. () (\во-от¹,)
- 32. () /и /—сказал-л⁶,
- 33. () что-о /стоит⁶ она-а () \дорого².

Стратегии множественной параллельной и последовательной адаптации разграничиваются на основании сугубо формальных признаков. Однако между ними имеются и заслуживающие отдельного упоминания содержательные различия. Эти различия наблюдаются, в частности, в примере (12). Можно заметить, что отрезки *ему расписал* и *какая она супер-пупер навороченная*, входящие в фигуру с последовательной адаптацией, формируют замкнутую синтаксическую составляющую — глагольную группу с сентенциальным зависимым. Внутренняя связь между отрезками этой составляющей теснее, чем связь любого из отрезков по отдельности с каким-либо отрезком из левого или правого контекста. В то же время ни для какой смежной пары нефинальных отрезков примера (12), следующих стратегии множественной параллельной адаптации, обнаружить такую замкнутую составляющую нельзя.

Общие данные о наличии / отсутствии замкнутой содержательной связи между нефинальными отрезками на участках с множественной параллельной и последовательной адаптацией представлены на рисунке 3. Как видно, в целом распределение следует описанному выше стандарту: связь такого рода наблюдается более чем в 75% фрагментов со стратегией последовательной адаптации, но лишь в 15% случаев стратегии множественной параллельной адаптации. Данное различие обладает статистической значимостью ($p < 0.00001$; точный критерий Фишера).

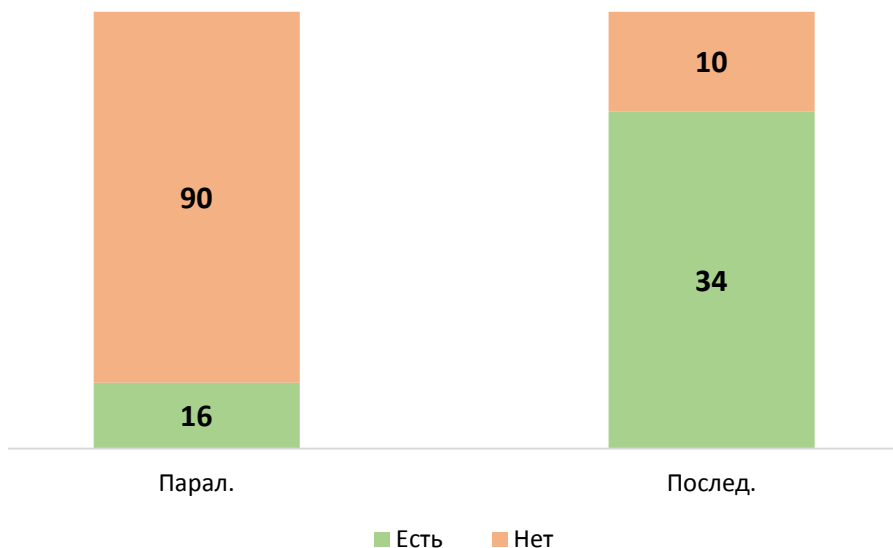

Рис. 3. Замкнутая связь нефинальных отрезков при стратегиях множественной параллельной и последовательной адаптации

4. Заключение

При попытке сплошной коммуникативно-просодической разметки корпуса неподготовленных устных рассказов выявляется существенное количество контекстов, в которых традиционное разграничение темы и ремы представляет нетривиальную теоретическую задачу. В то же время анализ устного текста в терминах фазового противопоставления завершенности / незавершенности позволяет выявить набор основных стратегий интонационной адаптации, используемых рассказчиками при построении сложных высказываний. Так, при стратегии последовательной адаптации говорящие обычно подчеркивают локальную дискурсивную иерархию посредством скобочной акцентной структуры. При стратегии множественной параллельной адаптации, напротив, этого чаще всего не происходит. Исключения тут немногочисленны и могут быть подвергнуты дальнейшей каталогизации при увеличении объема исследованного материала.

Литература

1. *Bryzgunova E. A.* (1982), Intonation [Intonacija], Russian Grammar [Russkaja grammatika], Vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 98–118.
2. *Chafe W.* (1994), Discourse, consciousness, and time, University of Chicago Press, Chicago.
3. *Kibrik A. A.* (2008), Is sentence viable in spoken discourse? [Est' li predloženie v ustnoj reči?], Phonetics and non-phonetics. A 70th birthday Festschrift for Sandro V. Kodzasov [Fonetika i nefonetika. K 70-letiju Sandro. V. Kodzasova], LRC, Moscow, pp. 104–115.
4. *Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (eds.) (2009), Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse [Rasskazy o snovidenijax: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa], LRC, Moscow.
5. *Kodzasov S. V.* (2009), Studies in Russian Prosody [Issledovanija v oblasti russkoj prosodii], LRC, Moscow.
6. *Korotaev N. A.* (2004), Situational anaphora in Russian spoken narratives [Situacionnaja anafora v ustnom russkom narrative], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2004” [Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye texnologii: Trudy Meždunarodnoj konferencii “Dialog-2004”], Issue 3 (10), Moscow, pp. 334–345.
7. *Korotaev N. A., Podlesskaja V. I.* (2008), Prosody of clause-combining in Russian: A corpus-based study [Frazovaja akcentuacija v složnyx predloženijax s postpozitivnym pridatočnym v russkom jazyke: opyt ispol'zovanija ustnogo korpusa s prosodičeskoj razmetkoj], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2008” [Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye texnologii: Trudy Meždunarodnoj konferencii “Dialog-2008”], Issue 7 (14), Moscow, pp. 234–240.
8. *Paducheva E. V.* (2015), Communicative structure of the sentence [Kommunikativnaja struktura predloženija], Materials for a corpus-based Russian grammar [Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki], Moscow. Online: <http://rusgram.ru/>.
9. *Podlesskaja V. I.* (2017), “Ja skazhu tebe s poslednej prjamotoj”: Direct and indirect speech viewed through the prism of prosodically annotated corpus data [“Ja skazu tebe s poslednej prjamotoj”: prjamaja i kosvennaja reč' po dannym korpusa s prosodičeskoj razmetkoj], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2017” [Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye texnologii: Trudy Meždunarodnoj konferencii “Dialog-2017”], Issue 16 (23), Vol. 2, Moscow, pp. 355–371.
10. *SpokenCorpora* (2013) Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian (PrACS-Russ). Pilot version. Online: <http://spokencorpora.ru>.
11. *Yanko T. E.* (2001), Communicative strategies of Russian speech [Kommunikativnye strategii russkoj reči], LRC, Moscow.
12. *Yanko T. E.* (2008), Intonation strategies of Russian speech from a contrastive perspective [Intonacionnye strategii russkoj reči v sopostavitel'nom aspekte], LRC, Moscow.